

Тяговая нить оборвалась, рука была инфицирована, и Дунфан в одно мгновение оказался в безвыходном положении.

Он выхватил нож из-за пояса — тот самый, что отобрал у коротышки-охотника за головами. Медлить было нельзя: он полоснул по нарыву на запястье. Тот мгновенно исторг порцию фиолетовой слизи вперемишку с остатками волокнистых тканей. Однако вместо ожидаемой острой боли пришло лишь онемение, сменившееся жжением.

Туго перевязав запястье полоской ткани от нижней рубахи, он продолжил путь, ориентируясь на вибрирующий звук дыхания.

Трос перекушен, Цюй Ян внезапно исчез, но вместо страха Дунфан ощутил лишь странную, приглушенную тоску. Казалось, это чувство давно таилось в глубине его души, питаясь им, как паразит, и лишь сейчас, оскалив уродливую пасть, вышло наружу.

Вокруг клубился белый туман, пропитанный ужасающими фиолетовыми спорами. Путь назад был отрезан. Даже тот самый звук дыхания, служивший ему компаньоном, теперь доносился отовсюду, словно со всех сторон сразу.

Жжение в запястье постепенно утихло, сменившись пульсирующей болью, что лишь усугубило его и без того отчаянное положение. Вокруг не было ничего, кроме белой мглы, насыщенной паразитами.

Страх становился всё осязаемее. Отдаленное дыхание больше не казалось гигантским — теперь оно напоминало дыхание дьявола, призыв из самого ада.

Он остановился, сжимая собственное запястье, чувствуя, как нехватка воздуха становится невыносимой. Дунфан отчаянно пытался унять боль, его нервы были натянуты до предела, и казалось, что вся его рассудительность вот-вот рухнет.

Внезапно чья-то рука крепко ухватила его за плечо, и секунду спустя он оказался в чьих-то сильных, теплых объятиях.

Дунфан с трудом сглотнул подступивший к горлу ком. Обернувшись, он увидел совсем рядом пару защитных очков и взгляд, полный искреннего беспокойства. Цюй Ян... этот мерзавец! Тот самый мерзавец, который бросил его и сбежал!

Страх мгновенно сменился яростью. Не раздумывая, он с силой ударил Цюй Яна локтем в бок. Услышав болезненный стон, он почувствовал странное облегчение.

Цюй Ян, не ожидавший атаки, пошатнулся и согнулся пополам.

Дунфан, не удовлетворившись этим, добавил еще пару ударов ногой.

Цюй Ян осел на землю, обхватив живот и мелко дрожа. Одной рукой он крепко вцепился в ладонь Дунфана. Его кожа была невероятно холодной — это ощущалось даже сквозь перчатку.

На душе у Дунфана было гадко. Ему хотелось отшвырнуть руку Цюй Яна, но страх снова заблудиться взял верх. Он шел, скованный, словно деревянный чурбан, ведомый Цюй Яном вперед. Несмотря на густой туман, окутывающий долину, Цюй Ян, казалось, обладал врожденным чувством направления.

Постепенно густой туман впереди начал редеть. Неизвестно когда, но подземные толчки прекратились, и лишь таинственный звук дыхания продолжал эхом разноситься по долине.

Наконец, когда пелена окончательно рассеялась, Дунфан изумленно расширил глаза.

Перед ним возвышалось исполинское дерево, размером с целый лес.

Оно состояло из бесчисленных переплетенных толстых лиан, каждая из которых имела кольцевидные утолщения, напоминающие брюхо гигантского питона. В складках между этими кольцами копошились мириады фиолетовых паразитических спор.

Тот самый далекий, протяжный звук дыхания исходил именно от этого дерева.

Лианы расширялись и сжимались, словно живая плоть, и именно это движение создавало звук, до жути похожий на человеческое дыхание.

Дунфана осенило: возможно, это гигантское дерево и есть симбионт колоссальных паразитических спор.

Он перевел взгляд ниже и увидел картину, которая мгновенно объяснила, почему внезапно прекратились многодневные землетрясения.

Почва, покрытая фиолетовыми спорами, была неровной. У корней дерева Дунфан заметил нечто, похожее на острые зубы Костяного дракона, глубоко вонзившиеся в кору. Остальное тело существа было погребено под слоем фиолетовой слизи.

Похоже, паразитические споры пленили Костяного дракона, не давая ему перегрызть ствол дерева. Споры обладали не только инстинктом размножения, но и инстинктом защиты своей матери.

Чуть поодаль лежал другой Костяной дракон, также погребенный в болоте из фиолетовых спор. Слизь, исторгаемая паразитами, намертво сковала его, и он уже не подавал признаков жизни.

Дунфан подошел ближе, пытаясь рассмотреть дракона получше, как вдруг в глазах потемнело,

и он потерял сознание.

Очнувшись в полубытьи, Дунфан почувствовал, что его раненое запястье словно нежно обхвачено чьим-то ртом — что-то теплое и влажное медленно высасывало рану.

Черт возьми, что за животное? Надеюсь, не какой-нибудь мутант.

Дунфан резко сел, напугав «зверя», который с отчетливым звуком проглотил порцию грязной крови.

Перед ним сидел Цюй Ян, кривясь от отвращения, с тонкими нитями фиолетово-алой слизи на губах.

— ...Что будет, если это проглотить? — осторожно спросил Дунфан.

Увидев, что Дунфан не злится, Цюй Ян тут же расплылся в улыбке:

— Ничего страшного. Почти как гнилое мясо поел.

— Понятно.

— Прости... — лицо Цюй Яна снова помрачнело, он стал похож на побитую собаку.

— Скажи прямо: ты меня бросил или я просто отстал? — невозмутимо спросил Дунфан.

— Я правда прошу прощения.

Красивый парень опустил голову почти до самой груди.

— ...Ты даже не попытаешься соврать?

— Прости.

Цюй Ян извинялся, продолжая перевязывать рану на запястье. Его руки были неестественно холодными — на этот раз без перчаток, и эта холодность заставила Дунфана смягчиться.

— Что ты там достал? — тихо спросил Дунфан. Он не собирался расставаться с Цюй Яном, поэтому тон его был не слишком суровым, но он прекрасно понимал: за спиной парня скрывается слишком много тайн, и однажды это может стоить ему жизни.

Цюй Ян послушно вытащил из рюкзака прозрачную емкость. Внутри копошились фиолетовые споры, их движения в точности повторяли пульсацию сегментов гигантского дерева.

— Так вот почему ты боялся... — Дунфан не нашел слов, чтобы описать это жуткое создание, — боялся, что если эта штука повредится, то... поэтому ты так поспешно меня бросил?

Цюй Ян заколебался, затем медленно кивнул, украдкой поглядывая на лицо Дунфана. Тот сохранял невозмутимость.

— Зачем тебе эта дрянь? — продолжил допрос Дунфан.

— Эти споры опасны, но их слизь — отличное лекарство для заживления серьезно поврежденных внутренних органов, — Цюй Ян прикусил губу, выглядя как провинившийся ребенок: напуганный и обиженный.

— Кого лечить собрался? — Дунфан окинул его взглядом, и в голову пришла догадка. — Неужели... ты?

Цюй Ян опустил голову еще ниже и едва заметно кивнул.

Дунфан нахмурился:

— Если у тебя настолько серьезная болезнь, какого черта ты таскаешься по таким местам?

Цюй Ян горько усмехнулся. Его глаза покраснели, губы дрожали, словно драгоценный камень, готовый вот-вот рассыпаться слезами. В его красивых глазах смешивались такие сложные чувства, что казалось, они сейчас превратятся в поток печали.

— Если достанешь это, болезнь отступит, так? — голос Дунфана невольно смягчился.

Цюй Ян снова кивнул.

Дунфан коснулся тыльной стороной ладони щеки парня, и этот жест был похож на вздох:

— Ну, тогда ладно.

Глаза Цюй Яна мгновенно просияли. Он схватил руку Дунфана и потерся о нее щекой. Кожа юноши была мягкой и нежной, и Дунфан испугался, что его грубые пальцы могут его поцарапать.

— Продолжай. А что с тем Костяным драконом? — Дунфан отдернул руку и продолжил допрос.

— Это были механические драконы с установленными детонаторами. Их задачей было уничтожить Древо-матерь спор в долине, — объяснил Цюй Ян. — В Долине Сы и Гэ полно металла, это настоящий «золотой прииск», но густой туман и споры мешали добыче. Поэтому они использовали роботов, чтобы найти и уничтожить дерево.

— Но споры уничтожили их машины, — заключил Дунфан.

Он вспомнил того дракона, покрытого фиолетовой слизью. Можно было лишь догадываться, какая там разыгралась битва. И машины, и растения были по-своему невинны, но люди всегда несли в себе глубоко спрятанные порочные желания.

— Да. Слизь, выделяемая спорами, разъела внутренние механизмы. К тому моменту, как я пришел, они были уже полностью выведены из строя.

Дунфан вздохнул:

— Значит, споры, которые ты ешь, могут спасти тебе жизнь... Если Древо-матерь погибнет, ты тоже умрешь, я прав?

Цюй Ян кивнул. Когда речь заходила о его жизни, он всегда был немногословен.

Дунфан лениво размял затекшую поясницу и посмотрел в окно: в ночном небе висела половинка луны, белая и яркая. Он не видел луну уже много лет — в Городе Сердца всегда стоял день.

— Не буду спрашивать о другом, писатель. Думаю, ты не причинишь мне вреда, в конце концов, я для тебя никто, — Дунфан говорил небрежно. Не дожидаясь ответа, он добавил: — И даже если причинишь — ладно, но сначала доведи меня живым до Могилы Машин.

Цюй Ян обиженно надул губы:

— Я не причиню тебе вреда. И никогда не хотел... Прости, что из-за меня ты пострадал.

— Кстати, как ты меня нашел?

— В очках был встроен маячок. Как я мог тебя потерять...

Услышав это, Дунфан вспыхнул и пнул парня по послушно сложенным ногам:

— А сказать об этом заранее нельзя было?!

Цюй Ян с виноватым видом снова извинился:

— ...Прости, я забыл.

В голове Дунфана пронеслись тысячи ругательств, но в итоге он лишь подумал: Цюй Ян — бестолковый дурак!

Когда они вернулись в Городок Митан, была уже глубокая ночь, но жизнь там всё еще кипела. Они без проблем заселились в гостиницу. В номере стояли две подвесные койки-коконы с мягкими матрасами, которые приятно покачивались.

— Босс, голова всё еще кружится? — спросил Цюй Ян, подсаживаясь ближе.

Дунфан только сейчас осознал, что в голове и правда еще немного шумит. Он поднял руку: рана на запястье была тщательно перевязана, и сквозь белую повязку проступило фиолетово-алое пятно.

— Эта штука ядовитая? — спросил он.

— М-м... скорее, это похоже на наркоз. Поэтому, даже если ты переутомился, тебе не должно быть слишком больно.

Неудивительно, что он отключился, не почувствовав ничего необычного. Паразитические споры и правда поражали своими свойствами.

Дунфан вспомнил того тигра, который превратился в чудовище. Может, если бы он не вмешался, тигр мог бы сосуществовать со спорами и не мучиться так долго.

Но кто просил его открывать пасть? Сам виноват, подумал молодой инспектор.

<http://bllate.org/book/19164/1881570>